

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ОБЛАСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ НАРОДНОЙ АГРИКУЛЬТУРЫ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)

И. Н. БЕЛОБОРОВОДА

*Северо-Западный институт
управления РАНХиГС при Пре-
зиденте РФ,
г. Санкт-Петербург*

e-mail: bin2000@mail.ru

Статья посвящена изучению проблемы становления и развития институтов гражданского общества в поздней имперской России на примере добровольных ассоциаций европейского Севера, осуществлявших свою деятельность в области модернизации аграрной культуры севернорусской деревни, а также – взаимовлиянию властных политических решений и гражданских инициатив.

Ключевые слова: политическая власть, гражданское общество, модернизация, традиционная агрикультура.

Одной из проблем современного агрономического развития России является вопрос его модернизации за счет применения новых технологий и научных достижений. Как показывает история различных периодов, реформы сельского хозяйства далеко не всегда достигали поставленных целей, поскольку трансляция научного знания в крестьянскую среду зачастую проводилась без учета тех традиционных форм хозяйствования и мировоззренческих установок, которые были характерны для отдельных регионов страны. Еще одной проблемой модернизации можно считать проблему взаимодействия субъектов реформирования. Трансляция целей и методов по внедрению передового аграрного опыта, исходящая от представителей государственной власти, народников, земцев, помещиков и пр., зачастую сталкивалась с открытым или пассивным сопротивлением традиционного опыта природопользования и тем самым сводила на «нет» все инновационные усилия. В этой связи большой интерес представляет изучение деятельности различных добровольных ассоциаций, которые во множестве возникали в поздней имперский период и представляли собой важное звено в диалоге власти и общества, в т. ч. крестьянского.

Проблема взаимовлияния властных политических решений и гражданских инициатив в поздней имперской России относительно недавно начала привлекать внимание исследователей, поскольку само наличие элементов гражданского общества в условиях авторитарного правления является дискуссионной¹. Дж. Брэдли, исследуя проблему добровольных ассоциаций в контексте взаимодействия общества и государства в Российской Империи, замечает: «Несмотря на поразительную активность ассоциаций, историки долгое время пренебрегали этой, на первый взгляд, аномальной особенностью русской политической культуры»². Между тем, как считают авторы коллективной монографии «Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в.», российские реформы этого периода, прошедшие под знаком модернизации политического и общественного строя и правовой системы России, привели к изменению самой природы взаимоотношений личности и власти. «Патерналистский тип отношений публичной власти с личностью, подчиненной государству и вытесненной на периферию социальной жизни, постепенно сдавал свои позиции. Складывалась гражданская культура, формировался носитель этой культуры – общественность, – передавая образованная часть общества, мыслящая категориями общественного блага и прогресса, реализующая свою жизненную позицию в различных объединениях. Вторгаясь в различные сферы жизни дореволюционной России, общественность оспаривала исторически принадлежавшую государству монополию на выражение интересов населения»³.

¹ См.: Туманова А. С. Современная западная историография гражданского общества поздней имперской России // Российская история. 2011. № 2. С. 160-167.

² Брэдли Дж. Добровольные ассоциации, гражданское общество и самодержавие в поздней имперской России // Российская история. 2011. № 2. С. 3.

³ Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. / Отв. ред. А. С. Туманова. М., 2011. С. 9.

В России в конце XIX в. насчитывалось около 10 тыс. добровольных общественных организаций, значительная часть которых (3962 или 39,6%) так или иначе была связана с инновациями в области агрокультуры (земледелия и животноводства)⁴, что вполне объяснимо в условиях крестьянской страны, каковой была Россия на рубеже XIX-XX вв. Поскольку модернизационные процессы в области агрокультуры в различных регионах страны имели различную направленность и интенсивность, постольку и деятельность добровольных ассоциаций характеризовалась значительной вариативностью, изучение которой на примере европейского севера России и является целью настоящей статьи.

Состав региональных общественных организаций во многом был обусловлен спецификой традиционного природопользования. На европейском севере России оно включало, наряду с низкопродуктивным земледелием и скотоводством, развитые неземледельческие промыслы: лесную и морскую охоту, рыболовство, рубку и сплав леса, извоз, мелкую кустарную промышленность и отходничество. Очевидно подобной структурой природопользования можно объяснить тот факт, что в регионе существовало всего одно общество, занимавшееся вопросами инновационного для того времени развития сельского хозяйства. Это Вологодское общество сельского хозяйства (ВОСХ), возникшее достаточно поздно – в 1908 г. как филиал Северного сельскохозяйственного общества⁵. В соответствии с Уставом, основными направлениями деятельности Общества стало содействие развитию сельского хозяйства и сельской промышленности, внедрение передовых агрономических знаний, проведение консультаций, чтений, бесед в этой области, создание в уездах опытно-показательных участков, станций, ферм, питомников, организация коллективных опытов по применению искусственных удобрений, распространение земледельческих машин и орудий, выдача ссуд, проведение сельскохозяйственных выставок, а также – поощрение крестьян «на сельскохозяйственном поприще присуждением медалей»⁶.

Однако, несмотря на столь широкую программу, основные усилия ВОСХ были направлены не на инновации в области агрокультуры, а на развитие новой для традиционного природопользования европейского Севера отрасли – молочного животноводства, возникшего в Вологодской губ. в 70-е гг. XIX в., благодаря усилиям члена Московского общества сельского хозяйства Н. В. Верещагина. На юбилейном заседании в честь пятилетия деятельности ВОСХ один из его руководителей Б. О. Элич отметил, что во главу угла модернизационных усилий Общества «должна быть поставлена не столько пропаганда усовершенствованных методов ведения специально сельского хозяйства, сколько организация разрозненных усилий отдельных крестьян в борьбе против стремлений капитала подчинить себе их хозяйственную самостоятельность...Лишь насколько в интересы организации сельских производителей входит необходимость улучшать хозяйство, вводить новые методы постановки его – настолько политика сельскохозяйственного общества Вологодской губернии должна быть направлена и в сторону пропаганды усовершенствованных методов ведения специально сельского хозяйства»⁷. Б. О. Элич объяснял подобную эволюцию деятельности ВОСХ тремя причинами: «1) отсутствие в Вологодской губернии крупного землевладения и господство в сельскохозяйственной действительности края мелкого производителя – крестьянина; 2) зарождение мысли об организации ВОСХ среди прогрессивных земцев, руководивших первыми шагами Общества; 3) вступление в него, вскоре после его открытия, представителей передового крестьянства, составивших под конец компактное большинство общества»⁸.

Исходя из этого, основное внимание Общество уделяло развитию мелкого предпринимательства в области переработки продуктов животноводства: кооперативному движению (разработка проектов типовых договоров для артелей, рассылка уставов кооперативных об-

⁴ Агрономическая помощь в России / Под ред. заведующего справочно-издательским бюро при департаменте земледелия В. В. Морачевского. Пг., 1914. С. 190-191.

⁵ Северное сельскохозяйственное общество образовано в январе 1898 г. на базе Новгородского общества сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности. Оно объединило в своих рядах землевладельцев и специалистов сельского хозяйства в целях содействия развитию сельского хозяйства в шестнадцати северных губерниях России.

⁶ Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 653. Оп. 1. Д. 9 Л. 1.

⁷ Элич Б. О. Кооперация или агрокультура? // За пять лет. (1908-1913): Сб. статей / Прил. к № 5/6 «Северного хозяина» за 1913 г. Вологда, 1913. С. 3.

⁸ Там же.

ществ, консультирование по вопросам кооперации, организация курсов счетоводов и пр.) и торгово-сбытовой деятельности. Здесь успехи общества были достаточно впечатляющими. Если на момент основания ВОСХ в 1908 г. на территории губернии существовало 70 потребительных обществ и 30 маслодельных артелей, то к 1914 г. – 115 маслодельных артелей, а выручка от продажи масла составила около 1 млн. 200 тыс. руб. По замечанию В. В. Приятелиева, «Вологодское общество сельского хозяйства представляло собой масштабный синдикат и включало не только маслодельные артели Вологодской губернии, но и соседних Архангельской, Новгородской, Ярославской, Олонецкой губерний»⁹. К этому можно добавить, что положительный опыт работы ВОСХ по интенсификации сельского хозяйства через организацию кооперативного движения, получил признание и за пределами региона: в 1916 г. естественноисторический музей Нижегородского губернского земства обратился в правление Общества с просьбой оказать содействие в уставной и справочной литературе по кооперативному движению, а Кавказское общество сельского хозяйства (Тифлисская губ.), кроме того, просило выслать образцы опытных семян для развития сельского хозяйства в условиях холодного горного климата¹⁰.

При этом обращает на себя внимание, что ВОСХ было именно общественной организацией, практически лишенной поддержки как правительственных органов (за исключением Вологодского Управления Землеустройства и Земледелия), так и земств и существовавшей на частные пожертвования своих членов, в основном местных энтузиастов-интеллигентов и крестьян¹¹.

В соседних севернорусских губерниях отсутствие собственных сельскохозяйственных организаций отчасти компенсировалось деятельностью Северного сельскохозяйственного общества. Так, согласно отчета М. Ф. Сельского – слушателя V-х курсов для контроль-ассистентов, устроенных Комиссией по скотоводству и молочному хозяйству с 7 января по 20 марта 1913 г., он прошел дополнительную практику по молочному скотоводству на Повенецкой ферме (Олонецкой губернии), которая, «согласуясь с задачами агрономической организации земства, имеет тип северного хозяйства, то есть главной отраслью в нем состоит молочное скотоводство при культуре, преимущественно на болоте, трав и корнеплодов (турнепса)»¹².

Другими организациями, активно занимавшимися проблемами улучшения скотоводства на европейском севере России, стали местные отделы Российского общества покровительства животным – Петрозаводский (1866 г.) и Архангельский (1897 г.). Ставя своей главной целью «проводить в народе необходимость хорошего обращения с животными», отделы основной упор сделали на просветительские методы: беседы с крестьянами, публикации нравственных статей о необходимости хорошего обращения с животными в Губернских ведомостях и пр. Главным залогом успеха в этом деле, члены Отдела видели в увеличении числа членов «из образованных слоев общества» (чиновников, священников и т. п.), способных оказывать нравственное влияние на «массы неразвитого народа»¹³.

Однако, как следует из отчета Петрозаводского отдела за 1869 г., цели и деятельность Общества остались практически не замеченными местным населением¹⁴. Низкая активность жителей в деле гуманизации обращения с животными имела, по меньшей мере, две причины. Первая – наличие обязательных членских взносов «в бедной и мало развитой Олонецкой губернии», вторая – различия в понимании жестокости в отношении животных, в немалой степени обусловленные специфическими формами скотоводства Русского Севера, которое не имело товарного значения в крестьянских хозяйствах, а носило по преимуществу, подсобный – «навозный» – характер.

⁹ Приятелиев В. В. Деятельность Вологодского губернского земства по развитию кооперативных организаций в Вологодской губернии (1870-1917 гг.). Дисс. ... кандидата истор. наук. СПб., 2006. С. 140.

¹⁰ ГАВО. Ф. 653. Оп. 1. Д. 220. Л. 1; Д. 221. Л. 7.

¹¹ Степановский И. К. Маслоделие – богатство Севера. История молочного хозяйства и данные для развития его в северной части России – преимущественно в Вологодской губернии. Вологда, 1912. С. 61.

¹² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 448. Оп. 1. Д. 172. Л. 7.

¹³ Отчет Петрозаводского отдела Общества покровительства животным за 1869 год // Олонецкие губернные ведомости (далее – ОГВ). 1870. № 64. С. 711.

¹⁴ Там же.

«Животноводство в Олонецкой губернии, – писали специалист по животноводству С. А. Виноградов и заведующий оценочно-статистическим отделом олонцкого губернского земства В. И. Бузин, исследовавшие в 1913 г. состояние этой отрасли в крае, – не носит промышленного характера и является составной и неразрывной частью общего крестьянского хозяйства, тесно связанного с земледелием и отчасти с лесными промыслами»¹⁵.

Еще одним предметом активной деятельности Общества покровительства животных в целом и его Петрозаводского отдела, в том числе, стала проблема улучшения породности местного скота, а также – сохранение единственной ценной севернорусской породы – холмогорской. Попечитель Общества Н. Х. Вилькинс в 1871 г. доносил общему собранию, что «в городских петербургских стадах, изобилующих холмогорскими коровами, весь приплод от этой отличной молочной породы идет на мясо,...почему год от года цены на коров, в особенности холмогорских, поднимаются и таким образом все заботы правительства развить и поддержать эту породу находят противодействие в столичном спросе на мясо»¹⁶. В целях сохранения холмогорской породы Н. Х. Вилькинс предпринял весьма действенные меры: построил специальный коровник, где телята выкармливались по строгому научнообоснованному рациону, завел племенную книгу, а дабы избежать подмены теленка при его транспортировке заказчику ввел клеймение («на левом ухе штемпельный номер, а на правом – Н. Х. В. ») и сопроводительные документы (аттестаты)¹⁷.

Все эти меры помогли уберечь от убоя 256 телят и отправить их на улучшение породы владельцам в Санкт-Петербургскую, Псковскую, Московскую, Тверскую, Рязанскую, Смоленскую, Калужскую, Орловскую, Курскую, Нижегородскую, Эстляндскую, Могилевскую, Пензенскую губернии. Правление Общества, «считая себя обязанным всемерно заботиться о поддержании этого дела, столько же соответствующего его благим целям, сколько и представляющего собой весьма важный вопрос в отечественной экономике», обратилось к губернаторам, земствам и местным отделениям Общества с просьбой содействовать «наибольшему ознакомлению сельских хозяев и к приглашению желающих водворить у себя столь полезную породу молочного скота»¹⁸.

Еще более тяжело шло внедрение таких, совершенно нетрадиционных для Русского Севера форм животноводства, как козоводство и птицеводство. Первое служило предметом неустанных трудов Петрозаводского (1911 г.) и Каргопольского (1912 г.) отделов Российского общества козоводства, созданного в январе 1910 г. трудами князя С. П. Урусова – автора первого на русском языке сочинении «Книга о козе» (1905 г.). Согласно протоколу учредительного собрания Петрозаводского отдела от 16 марта 1911 г., в его состав вошли многие видные деятели губернского и уездных земств, а также агрономы и ветеринары, в чьи обязанности входило распространение деятельности общества на «Петрозаводский и соседний с ним уезды Олонецкой губернии»¹⁹.

Особую активность в этом направлении проявил каргопольский ветеринарный врач-энтузиаст А. Н. Соловьев, создавший в 1912 г. самостоятельный Каргопольский отдел Общества. Его главной задачей, «исходя из новейших воззрений на козу, вполне доказанных современными учеными и подтвержденных практическими наблюдениями хозяев-козоводов», он считал «путем распространения коз и их продуктов поднять хотя бы и до незначительной высоты экономическое положение беднейших классов городского и деревенского населения и этим самым улучшить его питание и сократить громадную смертность детей в раннем возрасте»²⁰.

Однако, несмотря на то, что члены Отдела активно пропагандировали среди сельского и городского населения пользу этой отрасли животноводства, «для чего отделом закладывались среди членов и лиц, интересующихся козоводством, с показательной це-

¹⁵ Бузин В., Виноградов С. Материалы по исследованию животноводства в Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1914. С. 1.

¹⁶ Продажа телят холмогорской породы // ОГВ. 1871. № 21. С. 258.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 1. Оп. 1. Д. 112/11. Л. 3-4.

²⁰ Соловьев А. Н. Обзор деятельности Каргопольского отдела Российского общества козоводства за 1912 г. по данным годового отчета // Вестник Олонцкого губернского земства (далее – ВОГЗ). 1913. № 11. С. 29.

лю козьи хозяйства, продавалось козье молоко и шерсть, велась членами отдела устная пропаганда «козы» и ее молока и шла раздача популярной литературы по козоводству (брошюра К. К. Саковского «Коза» и брошюра В. Лайминга «Коза в роли непосредственной кормилицы моего грудного ребенка»)²¹, количество козьих гнезд (самец и самка) в уезде росло медленно. В 1913 г. насчитывалось всего 19 хозяйств с 35 козами. Причин этому было несколько, в том числе и таких нелепо-трагических, как в семье учителя с. Устьволгская Усачевской вол., где «самка была замучена детьми, а самец убит на мясо»²². Но, конечно, главной причиной являлся совершенно чуждый характер скотоводческой традиции севернорусского региона этого вида животноводства.

Аналогичным образом тяжело приживалось и разведение домашней птицы, инициированное в 1912 г. Петрозаводским отделом Императорского общества сельскохозяйственного птицеводства, который занимался распространением племенных пород домашней птицы (преимущественно кур и гусей)²³, поскольку в севернорусской традиции домашнее птицеводство практически отсутствовало.

Не увенчалась успехом и деятельность Обществ по распространению на европейском Севере такой активно развивающейся в начале XX в. в России отрасли, как кролиководство. Отвечая на анкету «Вестника кролиководства» – органа Комитета Кролиководства Московского общества сельского хозяйства – В. Н. Попов-Веденский из г. Кадникова в качестве мер распространения этой отрасли в Вологодской губернии предлагал устраивать «сельскохозяйственные выставки, где выставлялись бы кролики и продукты кролиководства, ...читать лекции по кролиководству в волостных правлениях с демонстрацией кроликов и продуктов из них, производя при этом раздачу общедоступных брошюр по этому вопросу, [поскольку] крестьяне мало читают и им совсем неизвестна эта доходная отрасль. Ознакомясь с ней, крестьяне, несомненно приняли бы за разведение этих полезных животных»²⁴. Однако, как показывают этнографические материалы, дело было не только в том, что крестьяне мало читали, а в глубоко укоренившихся мировоззренческих особенностях севернорусской традиции, которые требовали не столько популяризации кролиководства различными Обществами, сколько коренной ломки основ традиционной культуры.

По свидетельству П. Г. Богатырева в Шенкурском уезде Архангельской губернии мясо зайцев (наряду с мясом медведей, лебедей, голубей) считалось «нечистой» едой – *падиной* (падалью)²⁵. В Ряговской волости Каргопольского уезда Олонецкой губернии зайца били «для одной только шкурки; мясо его едят очень мало; оно большею частью идет в пищу собакам»²⁶. Поморы объясняли запрет на употребление зайчатины тем, что тушка ободранного зайца похожа на кошку: «Собак, котов кормят зайчами, да вот когда Господь проезжих даст. Чиновники даже очень одобряют», – говорил кемлянин В. И. Немирович-Данченко²⁷.

Насколько важны были эти мировоззренческие представления показывает тот факт, что запрет на употребление мяса зайцев служил для образования отдельных микрогрупп населения. Так, в небольшой деревушке Уег Мезенского уезда один из миссионеров зафиксировал разделение местных старообрядцев на толки *зайчатников* и *противозайчатников*, т. е. тех, кто допускал употребление зайчатины в пищу и тех, кто отвергал это, сообразуясь с севернорусским представлением о «нечистоте» заячьего мяса²⁸. Возможно, помимо хозяйственной специализации, определенную роль в формировании этого пищевого запрета сыграло особое отношение к зайцу, характерное для всей славянской традиции, как к представителю мира мертвых и соотнесение его с культом предков²⁹.

²¹ Соловьев А. Н. Второй год деятельности Каргопольского отдела козоводства // ВОГЗ. 1914. № 21. С. 19.

²² Там же. С. 21.

²³ С. В. Отдел общества птицеводства // ВОГЗ. 1913. № 11. С. 32-33.

²⁴ Наша анкета // Вестник кролиководства. 1913. Ноябрь. № 26. С. 38.

²⁵ Богатырев П. Г. Верования великоруссов Шенкурского уезда Архангельской губернии. (Из летней экскурсии 1916 г.) // Этнографическое обозрение. 1916. № 3-4. С. 67-68.

²⁶ Кулема // ОГВ. 1887. № 28. С. 223.

²⁷ Немирович-Данченко В. И. Соловки. Воспоминания и рассказы из поездки с богомольцами. СПб., 1873. С. 14.

²⁸ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 487. Оп. 1. Д. 30. Л. 15 об.

²⁹ См.: Гура А. В. Символика зайца в славянском обрядовом и песенном фольклоре // Славянский и балканский фольклор. Генезис, архаика, традиции. М., 1978. С. 159-189.

Помимо региональных организаций, известную помощь по внедрению агротехнических инноваций на европейском севере России стремились оказать и общероссийские общества: Императорское Вольное Экономическое (ИВЭО), Общество «Русское Зерно», «Общество для содействия русской промышленности и торговли» и др.

Так, например, в 1898 г. действительный член ИВЭО знаменитый художник В. В. Верещагин после своего путешествия по Архангельской губернии возбудил на общем Собрании вопрос о разведении в северных областях России культуры картофеля, который, по его словам, составлял здесь «редкость, „новинку“, как выражаются крестьяне; лук составляет еще большую новинку; о капусте, особенно о редьке, моркови и репе только „слыхали“, но никогда их не едят, не потому, что эти овощи не могут произрастать, а по трудности „достать семян“»³⁰.

К этим наблюдениям художника можно добавить, что огородничество, в целом не характерное для традиционного природопользования европейского севера России, было развито здесь чрезвычайно слабо. В конце XIX в. А. Шренк писал о с. Устьицельма Печорского уезда Архангельской губернии: «Здесь разводятся только репа, брюква, морковь и пр.; старания развести капусту остаются тщетными, а картофель, посаженный по приказанию окружного начальника в виде опытов, уродился величиной с каленый орех»³¹. Ведущее положение в ряду овощных культур принадлежало репе; местами она даже служила временным заменителем хлеба. Во второй половине XIX в. репа была вытеснена картофелем, который стал необходимым продуктом всех слоев севернорусского общества, за исключением старообрядцев, которые вплоть до начала XX в. старались не употреблять этот овощ, считая его «нечистым». Предтеченский зафиксировал подобные представления у *пудожан* (Олонецкая губерния). Он отмечает: «Картофеля сажают очень мало. В деревне Сиговом еще сохранился старинный взгляд на нее, как на «цертовы катышки»»³².

Секретарь ИВЭО. К. Кулябко-Корецкий в своем ответе художнику от 2 января 1899 г. вынужден был согласиться, что, «одной рассылки семян и наставлений (где они необходимы), конечно, еще недостаточно. Надо научить население приготовлению овощей впрок, для того, чтобы их употребление вошло в жизненный обиход заурядного сельского обывателя»³³.

Вместе с тем, Секретарь призвал местные учреждения, в первую очередь, земства разделить бремя ответственности Общества и разработать подробную программу «применительно к местным условиям и обстоятельствам, а также приложение ее на практике и наблюдение за правильным функционированием предположенных мероприятий»³⁴. Однако, как показывают материалы, земский агрономический персонал далеко не всегда был способен справиться с поставленной задачей. Тот же Предтеченский описывает весьма характерную для Русского Севера сценку: «Однажды мне пришлось увидеть у крестьянина выращенные огурцы. Явление в этом крае, конечно из ряда вон выходящее. Спрашиваю: верно, тебя агроном научил? «Нет, говорит, сам. Хотел у агронома спросить, да стыдно». Какой же, спрашиваю стыд? – «Да, агроном говорит так, что нельзя ничего понять»»³⁵.

В Архангельской же губернии, которая не имела земских учреждений, по мнению К. Кулябко-Корецкого, «первым и необходимым условием успешности всяких подобного рода мер необходимо признать призыв к самостоятельности местных общественных сил» и местную интеллигенцию³⁶.

Одним из представителей таких общественных сил стал энтузиаст-одиночка, герой Севастопольской обороны майор В. Ф. Бейтнер, который в 1872 г. получил в долгосрочную аренду 2140 десятин заболоченных земель на побережье Белого моря вблизи посада Нёнокса. В условиях упадка «сельского хозяйства у жителей посада от сокращения сенных покосов», майор поставил цель показать местным крестьянам возможности улучшения качества местных тундренных почв за счет проведения осушительных работ,

³⁰ РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 205. Л. 9 об.

³¹ Шренк А. Путешествие к северо-востоку Европейской России. Через тундры самоедов к северным Уральским горам, предпринятое по Высочайшему повелению в 1837 году Александром Шренком. СПб., 1885. С. 180.

³² Предтеченский. Из быта пудожан // ОГВ. 1906. № 105. С. 3.

³³ РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 205. Л. 5 – 6 об.

³⁴ Там же. Л. 8.

³⁵ Предтеченский. Указ. соч. С. 3.

³⁶ РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 205. Л. 8 об.

применения минеральных удобрений (щелочного тука) и развития на этой основе правильного луговодства и животноводства³⁷. Однако результат эксперимента оказался во многом неожиданным для самого естествоиспытателя. В 1881 г. выяснилось, что проведенные в 1877 г. каналы привели не к осушению тундры, а только к её осадке на 60-80 см.³⁸ Дальнейшие эксперименты требовали дополнительных финансовых и технических вложений, что не нашло понимания у местных чиновников. Помощь пришла от председателя Комитета «Общества для содействия русской промышленности и торговле» М. К. Сидорова, который помог В. Ф. Бейтнеру решить часть проблем³⁹.

Дело майора-подвижника получило свое развитие только в начале XX столетия с созданием в Архангельске агрономической службы. В 1914 г. на европейском севере России появилось первое научное учреждение – Архангельское болотное опытное поле, – начавшее систематические исследования болот в естественных условиях и испытание различных способов мелиорации заболоченных земель⁴⁰.

Не менее сложно шло внедрение зарубежного аграрного опыта, который крестьяне получали с помощью Общества «Русское Зерно» – организации, созданной в общероссийском масштабе в 1908 г. членом Государственной Думы Е. П. Ковалевским с целью «содействовать молодым людям в приобретении земледельческих знаний и приемов путем практического обучения их у лиц, занимающихся сельскохозяйственными и кустарными промыслами как в России, так и за границей, преимущественно в славянских странах»⁴¹.

Согласно докладу о практике крестьянина одного из самых неплодородных уездов европейского Севера – Сольвычегодского (Вологодская губерния) В. В. Ушакова, который проходил практику в Моравии в 1912-1913 гг., наибольшую пользу хозяйству сольвычегодского крестьянина могли бы принести следующие агротехнические приемы: введение многополья и механизация сельскохозяйственного труда. «Паров у заграничных крестьян нет, – пишет В. В. Ушаков, – все поля засевают так, что в продолжении лета не увидишь ни одной квадратной сажени пустолежащей, а между прочим как у нас в России пропадают целые десятки тысяч десятин пустой земли, не принося никакой пользы. Например, если взять наш Сольвычегодский уезд, то на полях, лежащих под паром, скот в продолжении лета не ходит, а токо пропахивается раза 2 или 3 за лето и ничего не принося. В наших местах очень много занимаются сеянием льна, но не на полях, а в лесах на подсеках мелкого леса. А чтобы не пропадали наши поля, надо нашему крестьянину как можно больше сеять лен на поля, сажать картофель и заниматься травосеянием»⁴². Далее, отмечая, что у моравских крестьян «для каждого дела все разные машины», которые покупаются, как правило, в складчину, В. В. Ушаков констатирует, что «в нашем Сольвычегодском уезде Ильинской волости о постановке каких-либо машин и не думают, а все копейки и несчастные гроши идут на пропой»⁴³.

Но не только косность традиционных форм природопользования служила препятствием к внедрению заграничного опыта. Как следует из донесения Обществу в январе 1914 г., сам бывший практикант мало что сделал для достижения поставленной цели. Он пишет: «я был бы рад заняться наученным делом, но одним словом, очень трудно сейчас в нашем месте перейти от трехполья к многополью, т. к. ожидаем передела земли в свою личную собственность»⁴⁴. В связи с этим В. В. Ушаков покорнейше просил зачислить его «куда-нибудь на должность сельскохозяйственных старост,... чтобы не потерять свое обучение, то покорнейше прошу не отказать, на что и жду удовлетворения»⁴⁵. Как и следовало ожидать, это прошение не нашло поддержки у руководства Общества, так как, посылая практиканта за границу оно «рассчитывало, что, возвратясь домой, Вы займетесь хо-

³⁷ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 2735. Л. 121 – 121 об.

³⁸ Там же. Л. 119 об.

³⁹ Там же. Л. 151 – 152.

⁴⁰ Деятельность Архангельского болотного опытного поля за десятилетие и план предстоящих работ. Доклад заведующего опытным полем И. И. Беневоленского 1-му Губернскому агрономическому совещанию в г. Архангельске 15-21 декабря 1924 г. Архангельск, 1925. 12с.

⁴¹ РГИА. Ф. 403. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

⁴² РГИА. Ф. 403. Оп. 1. Д. 125. Л. 33 об. – 34.

⁴³ Там же. Л. 36 об. – 37.

⁴⁴ Там же. Л. 28 об.

⁴⁵ Там же.

зяйством на родной земле и послужите примером для своих односельчан, а не пойдете искать место на стороне»⁴⁶.

Таким образом, благодаря деятельности добровольных ассоциаций к началу XX в. на европейском севере России сложился целый ряд предпосылок по модернизации традиционной агрикультуры и влияния на производственную культуру крестьян за счет внедрения идей гуманизации и планов по глубокой переработки продуктов сельского хозяйства, в первую очередь, животноводства. Однако в силу известных исторических событий эти проекты не были до конца реализованы. Среди причин незавершенности модернизационных проектов общественных организаций можно также назвать слабость финансовой базы вследствие отсутствия крупных региональных капиталов и государственной поддержки. Кроме того, традиционный опыт природопользования с его ценностными установками оказывал пусть пассивное, но последовательное сопротивление новациям, призванным коренным образом изменить сложившуюся систему хозяйствования региона.

GOVERNMENT AND CIVIL SOCIETY ON THE RUSSIAN NORTH: THE PROBLEMS OF THE INTEROPERABILITY AT THE FIELD OF THE TRADITIONAL AGRICULTURE'S MODERNIZATION (THE END OF XIX – BEGINNING OF XX CENTURY)

I. N. BELOBORODOVA

*Presidential Academy of National Economy and Public Administration
North-West Institute, St. Petersburg*

e-mail: bin2000@mail.ru

Of contents the problems of the origin and evolution of the civil society's institutes of the late-imperial Russia on the examples of the voluntary association's public work devoted to the modernization of the tradition agriculture at the European North are analyzed in an article. The interference of the official political decrees and civil initiatives is in the focus of attention.

Key words: political power, civil society, modernization, tradition agriculture.

⁴⁶ Там же. Л. 29.